

Предисловие

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ ИМПЕРИИ

Начиная писать любую книгу, а тем более — книгу историческую, автор с самого начала должен ответить себе на простой вопрос: «Зачем?»

Зачем я пишу эту книгу?

Зачем я собираюсь снова и снова представлять взору моего читателя вереницу царей и цариц, племен и народов, год за годом и век за веком творящих свою живую историю на отведенном им богами клочке суши? Что я хочу сказать своим читателям и к чему я хочу их сподвигнуть?

И кто они будут — те самые читатели, которых должно заинтересовать такое тридцатое изложение широко известных событий? Тем более если события эти — история гордого, но все-таки маленького государства и создавшего его столь же гордого, но маленького народа, расположенного между отрогами Кавказа, Черным и Каспийским морем?

Читатели исторических книг — народ ушлый и подкованный. Им нужна всегда не просто история, а История с Большой Буквы. Так, чтобы брало за душу и чтобы гремело, лязгало и кричало на каждой странице. Иначе — можно просто снять с полки томик Большой Советской энциклопедии, а то и зайти в Интернет и просто почитать в Википедии статью с названием «Грузия».

Сухих фактов в истории полно — но нам, читателям, интересны интерпретации, живые истории и яркие рассказы о прошлом. Мы хотим понимать людей, хотим чувствовать их

мотивации и осознавать их поступки. И всегда невольно задаем вопрос: «А как бы я это сделал? Как бы я поступил на месте царицы Тамары или же Давида-Строителя?»

Мы постоянно примеряем историю разных стран и биографии многих исторических деятелей именно на себя, пропуская через свой чувственный опыт и свою логику все события, происшедшие вдали от нас и в далеком, ушедшем давным давно в Лету, прошлом.

И вот тут, в рассказе об истории Грузии, нас ждет неожиданный сюрприз. Раз за разом, страница за страницей в этой книге, читая об историческом пути Грузии, мы будем вспоминать историю... России.

История громадной континентальной империи Евразии сюжетно очень похожа на историю небольшой «империи Кавказа», которую снова и снова будут стараться выстроить грузины на своих цивилизационных «шести сотках кавказской земли».

Да, в истории России гораздо больше побед и гораздо больше завоеваний. Так получилось в истории: русские исторически зародились на продуваемой всеми ветрами и открытой со всех сторон врагам Восточно-Европейской (Русской) равнине. Желание выжить любой ценой довело историю России до отрогов Кавказа и до Камчатки, до Сахалина и до Новой Земли, до Алтая и до «трофейного» Калининграда.

Историческая судьба Грузии сложилась иначе. Уютные и защищенные горные долины Закавказья были идеальными «яслями» для грузинского этноса, носившего на своем историческом пути несколько имен. Ребенок вырос — и ясли стали для него малы. Имперская сила — та же, что сподвигла Россию на многовековой поход к Тихому океану, привела ее в Среднюю Азию и в Закавказье — двигала и Грузию. Но Грузия так и не смогла в итоге выйти из своих закавказских ясель, так и осталась в статусе лишь «первого парня на деревне», а не «римлянина, правящего Кавказом».

Ведь что греха таить: римская идея — «править, а не цар-

ствовать» — всегда была столь же близка Грузии, сколь она пронизывает все и вся в исторической мифологии России.

Однако для Грузии история припасла жестокую ловушку: будучи такими же носителями имперской идеи, грузины — в силу своего характера и особенно в силу своих исторических условий — так и не смогли реализовать эту римскую имперскую идею на своем историческом пути.

Да, не хватило ресурсов. Да, враги оказались сильнее и коварнее. Да, география, поддержав грузин на начальном этапе их пути, потом сыграла с ними злую шутку. Да, не хватило холодного ума и трезвого расчета — и горячая кавказская кровь раз за разом обрушивала вроде бы уже начавшее выстраиваться здание империи.

Да, это история. Да, это кривое зеркало того, что могло произойти с Россией — и что в итоге сегодня, после тысяче­летней истории, произошло с Грузией.

Зачем пишут книги по истории?

Потому что их интересно читать. Потому что это — книги про нас с вами. Кем мы могли стать, кем мы стали и возможно — кем нам предстоит стать, если мы повторим ошибки и заблуждения прошлых лет.

Ну а как же Грузия?

Сможет ли она стать тем, чем хотела стать всю свою историю?

«Идущий впереди — мост для идущего позади» — говорят грузины.

Я верю — настоящая история никогда не заканчивается. И история Грузии — продолжается.

История Грузии продолжается.

История России — тоже.

Анатолий Вассерман

Глава I

ДАВНЫМ-ДАВНО

Откуда есть пошло

О самых древних временах говорить не будем. Все равно точно ничего не известно. Ежели кому-то хочется подробностей, читайте классику. Преподобного Леонтия Мровели, например, чью информацию, собранную в первых частях «*Картлис Цховреба*», я буду, во избежание сложностей, использовать дословно. Или, допустим, «*Моццеваи Картлисаи*». Тоже неубиенная классика. А потому, пропуская времена настолько былинные, что даже подумать страшно, ограничимся немногим. Итак, спустя много столетий после того, как Гайоз, праотец всех армян, вместе с младшим братом Картлосом, праотцем всех грузин, и другими братьями, тоже праотцами — мегрелов, сванов и других кавказских народов, пришел на Кавказ и распределил, что кому будет принадлежать, на территории нынешней Западной Грузии существовала Колхида. Уже нечто вроде государства, с наследственной короной, дружиной, земледелием, ремеслами, торговлей и прочими признаками бесспорной цивилизации. Насчет этнической принадлежности, опять-таки во избежание чьих-то обид, скажу только, что жили там, судя по всему, эгры (предки мегрел), чаны (предки сванов), апсилы и другие племена (предки адыгов). А также, но сильно южнее, лазы. И, безусловно, греки. Начиная с аргонавтов, они полюбили приятный субтропический край, понемногу основали колонии и зажили полной жизнью, причем, в отличие от итальянских, сицилийских и крымских сородичей, с местным насе-

лением не враждовали, а ладили, установив для них планку типа «ну да, варвары, конечно, куда ж деваться, но высшего сорта». Когда пришли персы, подчинились, а куда ж деваться, и платили дань (несколько сотен детей в год), однако сатрапией все же не стали, скорее всего, потому, что Ахеменидам было влом посылать войска на далекую периферию, которая и в «вольном статусе» вела себя хорошо.

Вот, собственно, и все, что знаем мы о самом древнем прошлом территории, простиравшейся некогда примерно от реки Псоу до сильно южнее нынешнего Батуми. Впрочем, история собственно Грузии, восточнее хребта, ведома еще скуднее. Возможно потому, что ее до конца IV века до н. э., строго говоря, и не было. В Колхиде было, у осетин, согласно преподобному Мровели, было, а у «иверов» (будущих картвелов) увы. Только союз родственных племен, и у каждого свой стольный поселок, собственный старейшина-мамасахлиси, а первым среди равных считался босс поселения Мцхета. Об этих временах до нас не дошло даже легенд, зато точно известно, что в VI веке до н. э. в Мцхету прибрали первые евреи. По версии грузинских историков, «бежавшие из Иерусалима, занятого вавилонским царем Навуходоносором». Но мне, если честно, кажется, что из числа отпущенных полувеком позже с правом идти куда хотят персом Киrom Великим, покорителем Вавилона. В самом деле, от Палестины до Мцхеты в те времена, да в условиях вавилонского всемогущества, добраться было, мягко говоря, проблематично, а вот из среднего Ирака — как раз, да и возвращаться в Иудею, под крышу хмурого фанатика Эзры, вставшего там у руля, едва ли хотелось всем поголовно. Как бы то ни было, пришли. Были радушно встречены, получили землю под поселение и зажили спокойной жизнью, охотно принимая в свои ряды всех, кого привлекало единобожие. Так что (это уже не преподобный Мровели сообщает, а я так думаю) коренные грузинские евреи, считающие себя в первую очередь грузинами, а потом уже кем-то еще, вполне может быть как раз и есть потомки иверийцев-неофитов, принявших веру экзотических, но умных и тороватых пришельцев.

Основание

Собственно же история Иверии начинается с Александра Македонского. Вопреки рассказам летописцев, что Двурогий туда заходил, но, естественно, был побежден, восхитился мужеством будущих грузин, помирился с ними и заключил договор о дружбе и взаимопомощи, на самом деле сын Зевса и Филиппа прошел мимо, видимо, даже не особо заметив, что там слева по ходу. Однако ясно и неоспоримо, что лет через 30 после смерти великого завоевателя войны диадохов, деливших наследство шефа, затронули до тех пор сонный край напрямую, вынудив племена встрепенуться. Иверия, судя по всему, угодила в эпицентр разборок между Селевкидами, претендовавшими поначалу на всю Азию от Босфора до Инда, и царями Понта, с точкой зрения наследников Селевка не согласных. Именно в этот период разворачивается война между уже не мифическими и даже не совсем легендарными Азо (правитель вассальной понтийцам Колхиды) и неким Фарнавазом, по официальной версии, родственником мамахлиси Мцхеты и персом по матери, избранным военачальником всея Иверии на период войн.

Как и что там было, в подробностях опять-таки неизвестно, разные слухи ходят, но факт есть факт: в конечном счете, заручившись помощью мощного по тем местам осетинского царства, каких-то горных варваров и тех колхов, которым власть Понта не нравилась, Фарнаваз войну выиграл. Однако власть после победы — как многие и до, и после него — из рук уже не выпустил, став, таким образом, первым «царем» всея Иверии (а на какое-то, хотя и явно недолгое время, видимо, и гегемоном Колхиды). Спустя же еще некий срок и царем без кавычек, поскольку Антиох Селевкид (первый или второй, непонятно) прислал ему диадему. Естественно, новоиспеченный монарх достойно отблагодарил вождя горцев и царя осетин, без помощи которых независимость Иверии не состоялась бы. Столь же естественно последовали реформы. Такие же, как и везде при подобных обстоятельствах. Ста-

рейшин попросили впредь не беспокоиться, маленькая, но гордая страна была обустроена по образцу империи Ахеменидов: поделена на области, возглавляемые губернаторами-эриставами, подобно персидским сатрапам имевшими как административные, так и военные полномочия. Разумеется, завязалась сеть нужных браков, обеспечивших на какой-то период мир. И жизнь потекла своим, уже вполне историческим чередом.

Не без усилия воздерживаясь от соблазна перечислить имена царей и описать многочисленные интриги районного масштаба, скажем лишь, что к середине II века до н.э. Иверия попала в зависимость от резко взлетевшей Армении, в конечном счете усадившей на престол в Мхете своего царевича, ставшего основателем второй иверийской династии — Дома Арташесидов, а затем вновь оказалась в эпицентре борьбы больших мальчиков, сперва Рима и Митридата Понтийского, а затем того же Рима и Парфии. Полилась кровь. Однако, помимо вреда, была и польза. Сломав Митридата, а заодно и его союзника Тиграна Армянского, по какому-то непонятному недоразумению известного как Великий, легионы (сперва Лукулла, а затем и Помпея) прошли по Южному Кавказу бульдозером, установив свои порядки в бывшей понтийской Колхиде, а управление ею передав одному из своих вассалов. Мимоходом пострадала и Иверия, однако тогдашний ее царь Артаг, будучи единожды вразумлен, сразу же понял, что лучше не отвечивать, и на его царство надолго перестали обращать внимание.

Шекспириана

Полного покоя, разумеется, не было. Да и не могло быть, учитывая, какой вулкан страстей полыхал на стыке границ могучего Рима, грозной Парфии и еще не вовсе растерявшей амбиции Армении. К тому же время от времени то один, то другой наследник умницы Артага пытался изобразить из себя что-то серьезное, в результате чего приходилось пла-

тить, как, скажем, в 36 году до н. э., когда Фарнаваз II (Бартом) себе на голову связался с Антонием. Но в целом около века или чуть меньше прошли спокойно, позволив иверийским Арташесидам, по крайней мере, навести порядок дома, на какое-то время поставив по стойке смирно эриставов, изо всех сил пытавшихся стать наследственными, а в идеале и независимыми от Мцхеты. В итоге в первой трети I века н. э. Иверия, ранее считавшаяся окраиной Ойкумены, неожиданно для многих заявила о себе. Успешно вписавшись в войну Рима с Парфией при Тиберии, царь Фарсман I сумел выбить из Армении парфян и посадить на тамошний престол своего брата Митридата. Позже, правда, случилась так называемая «*операция Радамист*» (царь попытался окончательно взять Армению под себя, убив брата и заменив его сыном), но итог этой гамлето-макбетовщины оказался печальным: после почти 20 лет войн парфянские Аршакиды прочно усадили на армянский престол парня своего принца. Армения окончательно ушла из зоны римского влияния. Фарсману пришлось (оправдываясь перед Римом) убить родного сына, бывшего армянского царя, объявленного добрым папенькой виновником авантюры, и с этих пор ивериец стал очень послушным, аккуратно помогая Империи во всем, чего та волила пожелать.

Столь же мудро вел себя и его наследник Митридат, помогавший великому Траяну столь активно и самозабвенно, что стал римским гражданином, а сын Митридата, Фарсман III, по прозвищу Квели (Храбрец), удостоился даже приглашения в Рим, где Антонин Пий принял нужного вассала весьма ласково, наградил за верность и подарил некоторые земли Колхиды. Хотя и не всю, как тому хотелось. А потом, как сообщает преподобный Мровели, Храбреца отравили. Кто, не уточняется. Но, видимо, собственные придворные, и скорее всего, по инициативе парфян, уставших смотреть на интимную близость соседа с вековечным оппонентом. Как бы то ни было, сын и наследник отравленного просидел на престоле совсем недолго, внук вообще пропал непонятно куда, и

к II веку престол в Мцхете вместо армянских Арташесидов занимают уже парфянские принцы из Дома Аршакидов, третьей династии Иверии. Рим, таким раскладом явно недовольный, помешать не сумел: сами понимаете, сперва Коммод, войн боявшийся, как огня, потом тяжелейшая гражданская, потом приведение себя в порядок, так что около четверти века Иверия, как и Армения, пребывала в тесном, до уровня конфедерации, союзе с Парфией. И надо сказать, жила — не тужила, аккурат в то время расцветая экономически и развиваясь социально, причем по той схеме, которая много позже будет названа «классической европейской», с феодальной лестницей, ранней формой крепостничества и, увы, новым витком княжеских претензий видеть царя всего лишь «первым среди равных», и не более того. А затем перс Ардашир, сын мага Папака из рода Сасана, поднял мятеж против парфян и положил начало новому Ирану.

Слева молот, справа серп

Сказать, что для кавказских царств такой поворот судьбы оказался неприятным сюрпризом, значит не сказать ничего. Парфяне, некогда дикари дикарями, строили свое царство по культурным эллинистическим лекалам, не стесняясь брать хорошее у всех, кто это хорошее имел, никого в культурном смысле не напрягая, да и вообще исповедовали принцип «Пусть расцветают сто цветов». За персами, пятьсот лет прозябшими в тоске о былом величии, стояла мощная, крайне своеобразная культура, которую они считали высшей из возможных, как, впрочем, и себя, «истинных арийцев», полагали венцом творения, Арьян же Ваэча, «страну ариев», пупом земли. К тому же и в Иверии, и в соседней Армении престолы занимала родня свергнутых и почти начисто перебитых Аршакидов, которых потомки Сасана официально именовали «кровными врагами», в связи с чем былой режим наибольшего благоприятствования с этого момента стал невозможным, максимумом хорошего в новых реалиях могло стать разве что

холодное сосуществование по схеме «ни мира, ни войны». Что какое-то время и имело место, поскольку первые Сасаниды, укрепляя позиции внутри страны, внешней политике особого внимания не уделяли.

Было, однако, совершенно понятно, что от будущего ничего хорошего ждать не приходится, тем паче что Рим, естественный противовес «ариям», аккурат в это время рухнул в беспредел «эпохи тридцати тиранов». Августы сменялись с калейдоскопической скоростью, власть оказалась в руках тупой, мало что в политике понимающей военщины, бурным цветом расцвел сепаратизм, разорвавший Империю натрое, а ко всем прочим прелестям на Балканах появились еще и первые готы, разведывавшие, что там на юге да как. К тому же императорам, более или менее сознающим, что происходит, катастрофически не везло. Умный и сильный Деций погиб в битве с готами, еще один добротный руководитель, Валериан, уразумевший, что на востоке творится что-то не то, был разбит персами и погиб в плену у по-настоящему великого шаханшаха Шапура I, оккупировавшего после этого Армению и вплотную приблизившегося к иверийским рубежам. Оказавшись перед лицом гибели, Рим концентрировался, выводя войска отовсюду, откуда только можно было, Боспор и Дакия были отданы на съедение готам, но скреплять рассыпавшееся было трудно, а враги рвали Империю на куски. Готы заняли Крым, освоили судоходство, добрались до берегов Колхиды, — и в такой ситуации Империя сделала ставку на маленькое, но воинственное вассальное княжество лазов, обеспечив их всем, чем только в тот момент могла.

Жалеть не пришлось: лазы отогнали готов (те, правда, приходили небольшим числом), затем подчинили другие племена Колхиды — апшилов, абазгов, санигов, — среди которых были и предки нынешних абхазов-адыгов, а потом, войдя во вкус, откусили немалый шмат от Иверии. И в конце концов утвердили свою власть на всей территории нынешней Западной Грузии, основав Эгриси — «царство эгров (мегрел)», по отношению к Риму вассальное, но уже не до такой степени,

как полвека назад. В целом, свет в конце туннеля забрезжил лишь на рубеже 80-х годов III века, когда Шапур, наконец, скончался, оставив Иран в руках наследников, оказавшихся, как это обычно бывает, калибром на порядок ниже, а Рим все-таки обрел второе дыхание. В 298 году в Нисибине был заключен «вечный мир», согласно которому царства иверов и армян возвращались в сферу влияния Империи, однако на престоле в Мцхете сидели уже не Аршакиды, удержавшиеся только в Армении, а царь из уже новой династии, младшей ветви потомков Сасана. Что, впрочем, ровным счетом ничего не значило: государственные интересы очень быстро возобладали над кровным родством.

Брат за брата в черный день

Вслед за Римом Иверия — ее уже, впрочем, чаще называли Картли (предположительно от древнееврейского «карт» — «город», то есть «страна городов» типа Гардарики), — и я тоже далее буду называть ее именно так, приняла христианство. Оно, собственно, было там известно и много раньше, хотя версия о визите апостола Андрея Первозванного скорее всего патриотический миф, однако не прижилось. А вот проповедница и врач Нино из Каппадокии, позже названная святой, преуспела. Трудно сказать, чем в первую очередь руководствовался царь Мириан, крестясь и принуждая к этому же подданных, — то ли и впрямь неким прозрением, то ли политическими соображениями, однако к середине IV века (конкретно дата варьируется) Восточная Грузия уже была частью христианской Ойкумены (Эгриси решилась на этот шаг намного раньше). Мероприятие, как ни объясняй, было мудрое и крайне своевременное; Картли теперь рассматривалась в Константинополе уже не просто как вассал, но и как «сестра во Христе», что, поскольку главной угрозой были язычники, накладывало особые обязательства. Правда, когда шах Шапур II, коронованный еще в утробе матери, подрос и, оказавшись очень неслабым парнем, начал в 338-м очередной

тур борьбы с Римом, на картлийском направлении, как второстепенном, было спокойно. Но по итогам войны (после трагической гибели императора Юлиана и «политической» капитуляции его преемника) Рим вернул Ирану все завоеванное и отказался от «интересов» в Армении. О Картли в договоре не упоминалось, однако было ясно, что персы, пользуясь проблемами Рима, своего не упустят. И они не упустили. Не без труда подчинив Армению, Шапур в 364-м вошел в Картли, обложил царство данью и, не обращая никакого внимания на протесты из Константинополя, посадил в Мцхете своего наместника, понизив роль царя если не до нуля, то близко к тому. Так что договор 387 года, согласно которому спорные земли, наконец, поделили (4/5 части Армении отошли персам, а пятая часть римлянам, Эгриси была признана сферой интересов Рима, а Картли зоной персидского влияния), всего лишь официализировал суровую реальность.

С этого момента Иран взялся за интеграцию Кавказа всерьез. После упразднения в 428-м армянской короны шаханшах Язгард II развернул масштабную программу упразднения там, а по ходу еще и в как бы независимых Картли с Албанией христианства и замены его поклонением Огню. Поскольку лояльность всячески вознаграждалась, довольно значительная часть знати особо не возражала. Однако «низы», христианство к тому времени воспринимавшие всерьез, отреагировали иначе: в ответ на мощное и крайне бестактное миссионерство, проводимое командированными магами, в Армении и Албании вспыхнуло огромное восстание во главе с полководцем Варданом Мамиконяном. Ирану, правда, ценой жесточайшего напряжения удалось выиграть в 451-м Аварайрскую битву, но условность этой победы была столь очевидна, что проект сочли за благо свернуть. Правда, руководство Картли, в подготовке акции протеста активно задействованное, в самих событиях участия не приняло, мудро рассудив, что поживем — увидим, но купоны состригло: измотанные при Аварайре персы до Мцхеты не дошли, а маги, видя такой оборот, сочли за благо упаковать чемоданы. Есть,

впрочем, смысл добавить, что хотя претензии армянских летописцев в какой-то степени справедливы (картлийских дружин при Аварайре очень не хватило), отсутствие активности не следует списывать на счет трусости или, тем паче, подлости. Просто царь Митридат VI аккурат накануне мероприятия умер, а его наследник Вахтанг был слишком мал. Так что на какое-то время царство оказалось в руках князей, озабоченных другими проблемами до такой степени, что должное внимание не уделялось даже набегам горцев.

Вопрос полномочий

Дети, однако, имеют свойство расти. Подрос и Вахтанг. Пользуясь тем, что горцы лет за десять достали уже всех, а князьям для общего похода необходимо было знамя, он уже в 16 лет возглавил поход в горы, успешно разъяснив варварам, что они были очень-очень неправы. Проявив себя толковым вождем и поразительно храбрым воином, не знавшим поражения в поединках со взрослыми и суровыми дядями, тинэйджер довольно быстро поставил себя и дома, по ходу дела совершив несколько «самовольных» вылазок на территорию Рима, что очень понравилось шахскому правительству, благо оно ко всему прочему еще и могло с чистой совестью уверять соседей, что центр тут ни при чем, а просто провинциальное начальство бузит. Вахтангу было оказано всяческое уважение, а после более чем успешного участия его в персидских походах на восток, где все сильнее шалили кочевники, благосклонность Ктесифона к молодому картлийскому вассалу вообще утратила всякие границы. Чем тот, разумеется, и воспользовался (парень был активен и честолюбив) для возвращения утраченных полномочий и превращения царства опять в царство. Для начала привел в чувство совершенно утративших тормоза святых отцов, выслав из страны архиепископа Микаэла, позволявшего себе бить монарха ногами по зубам и сообщив в Царьград, что хочет иметь свою собственную церковь, а иначе, блин, можно и насчет Огня по-

думать, благо предложений море. В Константинополе, понимая, что сосед вспыльчив и на всякое способен, покряхтели, но согласились, предоставив Картлийской Церкви статус автокефальной, а ее главу признав Католикосом, практически равным по статусу Патриарху Константинопольскому.

Успех окрылил, и все пошло по накатанному пути: сперва несколько походов в горы, чтобы еще больше привязать воинов, а затем, добившись любви силовых структур, конфликт с князьями, совершенно забывшими, кто они, а кто царь, жалобы князей шаху, мол, тут, ваше величество, ваших верных слуг обижают, попытка наместника (тоже из князей) выступить в роли арбитра, — и убийство наместника по приказу царя. Что, естественно, не могло остаться без реакции. Шах двинул войска, Вахтанг ушел в горы и, возможно, все бы было кончено очень быстро, но полыхнула Армения, князь Ваган Мамиконян, племянник Вардана, пришел на помощь картлийцам, а это было уже серьезно. В 483-м фактически повторился Аварайр: в битве на Чаманайнском поле персы победили, но такой ценой, что уйти удалось даже некоторому числу армян; преследовать же Вахтанга, ускокавшего в Эгриси, под крыло римлян, каратели даже не пытались. А затем, очень кстати, в Иране началась «революция» Маздака, очень долгая, разрушительная и кровавая, так что царь спустя пару лет не только вернулся в Мцхета, но даже и на какое-то время ощутил себя независимым государем, прижав князей и основав новую столицу, Тбилиси, где старая знать не чувствовала себя так вольно.

А потом персы, слегка уладив внутренние дела, пришли исправлять недоделки. Договориться не получилось: эмиграция в римские владения, пусть и кратковременная, полностью и бесповоротно сделала Вахтанга в глазах шахского правительства персоной *non grata*. В битве у Самгори на реке Иори царь, дравшийся, как всегда, в первых рядах, был смертельно ранен, а его сын Дачи, сделав должные выводы, повел себя в соответствии с обстоятельствами. Причем, судя по всему, более чем адекватно, ибо в 510-м персы, упразднив в

рамках очередной административной реформы корону Албании, в Картли царскую власть все же сохранили. Аж до 523 года, когда шах Кавад потребовал от Гургена, внука Вахтанга, отречься от христианства и поклониться Огню. Понимая, что согласие чревато переездом в Ктесифон и пенсией, царь требование отклонил. Но, поскольку армяне, измотанные двумя восстаниями, на сей раз поддержку не гарантировали, а Рим в тот момент войны с Ираном не планировал, не стал и являть героизм, вместе с семьей, короной и казной эмигрировав в Константинополь. Царская власть в Картли была упразднена, и страна превратилась в обычный иранский остан.